
**НАУЧНЫЕ
СООБЩЕНИЯ**

**ВРЕМЯ В РАЗВИТИИ ПРАВА
(ФИЛОСОФСКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**
© 2010 г. В.А. Рыбаков¹

Право – один из важнейших элементов общественной жизни, наиболее ярко и рельефно отражающий ритм истории. Совершенно очевидно, что право не может не изменяться с течением времени, и весь правовой порядок каждой страны, отражая ее жизнь, постоянно подвергается изменениям. Для права, как и для истории, время – фундаментальная категория, аксиологическая значимость которой безусловна.

Право существует и развивается в социуме, в его пространстве и ени, и вне этих параметров не может быть рассмотрено. Пространственные и временные параметры являются неотъемлемыми элементами права. Право сегодняшнее сформировалось на основе вчерашнего, и в настоящее время создается фундамент для права завтрашнего. Право, если рассматривать его в длительности и последовательности, воспринимает течение времени и его фундаментальные параметры: прошлое, настоящее и будущее². Соответственно и познание права, правовой системы вне временных рамок невозможно.

Особого внимания заслуживает состояние права в переходный период, предполагающий наличие временного интервала, в рамках которого осуществляются коренные (сущностные) правовые преобразования. Правовые явления в этом случае существуют в особом переходном времени, которое определяет своеобразие их изменений. “И если в XX в. было открыто и изучено социальное время, – пишет В.В. Сорокин, – то в XXI столетии предстоит открыть и подвергнуть серьезному анализу особое правовое время, и в частности время переходных правовых систем”³.

Переходный период в развитии любой страны, в том числе и России, – это особый этап эволюции государства и права. В переходный период право приобретает такие черты и особенности, которые коренным образом отличают его от всех иных правовых систем, развивающихся в обычных условиях⁴.

Особенности особого переходного времени обычно видят в его цикличности, ритме, темпе и длительности существования переходной правовой системы, а также в числе и характере стадий, отводимых данной системе ее переходной природой. Но проблему времени можно и следует рассмотреть в другом аспекте – взаимодействии временных координат, обусловленных действием основных диалекти-

ческих законов развития – перехода количества в качество, единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания. Данный аспект предполагает наличие временных координат.

Переходный период, мы можем представить как протяженное и структурированное настоящее, находящееся между прошлым и будущим: как нечто детерминированное прошлым (как причиной) и будущим (как целью). В нем наиболее четко выражено соединение трех названных временных координат – прошлого, настоящего и будущего. Происходит их активное взаимодействие, встреча. Они как бы сливаются, возникает ситуация, которую можно определить как “три в одном”. Соотношение этих координат предопределяет интенсивность преобразований права и вектор его развития. Три координаты истории (прошлое, настоящее, будущее) выступают как своеобразные линии, “дороги” на историческом пути развития права. Таким образом, переходный период в праве можно определить как некоторое состояние правовой системы, когда в ней соединяются и наиболее активно взаимодействуют три временные точки, определяющие ход правового развития: прошлое, настоящее, будущее. Рассмотрим их характеристики и связи.

Прошлое. Понятие “прошлое” употребляется в трех аспектах: а) как состояние объекта во времени, которое было настоящим; б) как “снятое” прошлое, которое существует в опыте благодаря аккумулятивному характеру развития; в) как остатки былого в настоящем, пережитки старого. В любом аспекте прошлое следует понимать как наследство, которое непрерывно нарастает вслед за настоящим в материализованной форме. Это важный аспект для понимания прогрессивного развития права.

Отношение к прошлому – один из главных политических вопросов в любой стране. И как все политические вопросы, оно не может быть решено ни тотальным отрицанием прошлого, ни его апологетикой, которые доминируют лишь в кратковременные периоды революционной ломки и смены режимов. Наступают иные времена, требующие расшифровки, того, что еще совсем недавно казалось столь явным и очевидным⁵.

Право по сравнению с другими политическими явлениями наиболее тесно связано с прошлым. Оно, по мнению Л.Е. Лаптевой, является одной из самых консервативных сфер общественной жизни, тесно связанной с историческими традициями и слабо поддающейся внешним (“сверху”, “из-за границы”) воздействиям⁶. Право по сравнению с государством обладает большей консервативностью и гораздо устойчивее политики. Государство оперативнее реагирует на

¹ Доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Омского государственного университета, кандидат юридических наук.

² Теория государства и права / Под ред. В.М. Малахова, В.Н. Казакова. М., 2002. С. 168–169, 178.

³ Сорокин В.В. Время и право: правовая система и переходное время // Правоведение. 2002. № 1. С. 180–181.

⁴ См.: Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. М., 2001. С. 233, 242.

⁵ См.: Куткевич Т.Н. Русские идеи // Полис. 1997. № 2. С. 140.

⁶ См.: Лаптева Л.Е. Россия и право. Право как ценность. М., 2002. С. 68.

запросы общественной жизни посредством текущей политики, нежели правовым регулированием⁷.

В рамках права наиболее консервативной его частью считается форма права. Будучи более стабильной и устойчивой его стороной, она в переходной период «отстает в своем развитии от содержания – передовых, прогрессивных идей и принципов. В результате формальная определенность, общеобязательность и консервативность права в переходных условиях из его достоинств превращается в недостатки»⁸.

Настоящее. Настоящее – это продукт и результат прошлого. Результаты деятельности наших предков составляют тот культурный и правовой ландшафт, в котором человек вырастает и который он должен совершенствовать.

Настоящее содержит в себе несколько возможных вариантов дальнейшей эволюции государственно-правовой материи, альтернативу развития государства, права и общества по тому или иному пути. Настоящее в переходный период представляет собой модернизацию правовой системы. Это период реформы, в ходе которой происходит выбор исторического пути развития. При любом варианте реформы настоящее структурировано. Оно складывается из трех этапов. Первоначальный этап развития правовой системы, по мнению М.Н. Марченко, включает в себя ряд таких действий, как декларирование основных принципов стратегии коренных преобразований; демонтаж наиболее оппозиционных и нежизнеспособных институтов прежнего строя, закладывание основ правовой системы формирование новых, преимущественно временных органов переходной власти⁹.

Соглашаясь с выделением начального этапа развития правовой системы, следует обратить внимание на то, что перечисленные действия больше относятся к государственному аппарату, структурированию государственной власти. Правильнее было бы выделить такие действия, как демонтаж старой правовой системы, оценка правового наследия, определение правовых принципов, сохранение и использование старого правового материала.

Во второй этап развития правовой системы авторы, занимающиеся данной проблемой, включают такие мероприятия, как упразднение ранее созданных временных и чрезвычайных органов государства, проведение выборов в центральные и местные органы государственной власти, принятие мер к достижению в обществе гражданского согласия и др.¹⁰ Вновь идет речь о государственном аппарате. Представляется, что на данном этапе осуществляется непосредственное реформирование старого права, его правовой системы, и, следовательно, для него характерны все действия, связанные с созданием новой правовой реальности. Они должны быть выражены в концепции правовой реформы.

Третий этап развития правовой системы в переходный период – этап устойчивого ее функционирования – является ключевым этапом эволюции государственно-правовой системы переходного периода.

Будущее. Будущее выступает как предпосылка грядущего в настоящем, как явление, которое следует за настоящим,

как мыслимое будущее в качестве формы предвидения, опережающей отражение действительности. Вглядываясь в будущее, мы касаемся потенциального многообразия и осуществляем выбор, опираясь на ценностные представления прошлого. Это создает настоящее. При этом прошлое в нашей системе представлений – судьбоносная составляющая, а будущее – этическая, поскольку речь идет о выборе и свободе воли. Настоящее – это прошлое, свернутое по будущему, или судьба, преобразованная этикой выбора.

Очевидно, что ситуация будущего причинно связана с прошлым и настоящим, и в их творении принимают участие три компонента: жестко детерминированная часть (предсказуемая однозначно); вероятная часть (стратегическая предсказуемая с заданной точностью); чисто случайная (очевидно непредсказуемая).

Говоря о прогнозах, предвидении, предсказаниях, мы самими терминами указываем на предупреждающий характер информации о будущем. А для этого обработка исходной информации должна вестись в ускоренном против естественного течения событий темпе с тем, чтобы предвиденные явления опережали реальные события. Очевидно, что информационная ценность предвидения тем выше, чем ближе оно к последующей реальности по смыслу и чем больше при прочих равных условиях ее опережает, ибо при этом легче организовать коррекцию будущего, причем с меньшей затратой усилий. Кроме того, наличие запаса времени позволяет накапливать компенсирующий фактор (средство), аккумулировать его, что может оказаться нелишним. Смысл переходного состояния в том и заключается, что на нем отрабатываются, отбираются и лимитируются условия и границы будущего¹¹.

Сказанное объясняет правомерность выдвигания принципа будущего в качестве относительно самостоятельного принципа познания общественного и правового развития. Как прием научного исследования этот принцип означает: выявление элементов будущего в настоящем, рассмотрение настоящего с точки зрения «интересов будущего»; означает, что будущее играет своеобразную регулируемую роль в отношении настоящего. Принцип будущего связан с чувством нового, прогрессивного.

Прошлое и настоящее. Настоящее и прошлое неотделимы друг от друга. Еще никто не измерил расстояние между настоящим и прошлым. Всякая попытка измерить это «расстояние» обречена на неудачу. Оно может быть только условным, если речь идет о социальных понятиях прошлого, настоящего и будущего, а не физико-математических. В лучшем случае, утверждает З.М. Оруджаев, мы различаем недавнее прошлое и далекое прошлое, если не хотим или не знаем, как измерить его¹².

В действующих правовых системах всегда присутствует прошлое и настоящее, соотношение их различно. Например, правовые системы, основанные на англосаксонском праве, постоянно оперируют к прошедшему времени в силу самой своей прецедентной сути. Национальные и религиозные правовые системы, основывающиеся, как правило, на священных текстах, написанных тысячелетия тому назад, еще в большей мере обращены в прошлое время. Правовые системы романо-германской правовой семьи при составлении

⁷ См.: Сорокин В.В. Концепция эволюционного преобразования правовых систем в переходный период. Барнаул, 2002. С. 130.

⁸ Там же. С. 150.

⁹ Марченко М.Н. Указ. соч. С. 243

¹⁰ Сорокин В.В. Государственность переходного периода: теоретические вопросы. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 7.

¹¹ Веденев Ю.А. Теория и практика переходных процессов в развитии Российской государственности // Гос. и право. 1995. № 1. С. 107.

¹² Оруджаев З.М. Философия прошлого (Или понятие прошлого в нестабильном смысле) // Философские науки. 2001. № 1. С. 96.

законодательства, хотя и основываются на законодательных актах предшествующих эпох, больше сориентированы на настоящее время.

Трудно решить, что играет в правовой жизни большую роль – прошлое или будущее. Первое накапливается в виде опыта, включающего познание господствующих в обществе закономерностей и причинных связей. Второе – в виде целей, намечаемых как желательные или непереносимые элементы будущего. Намеченная цель обуславливает последующий расчет, выработку (на основе опыта) правовой политики, стратегии и тактики, обеспечивающих ее достижение.

В этом пункте Гегель рассуждал следующим образом: “Мы, обозревая прошедшее, как бы велико оно ни было, имеем дело лишь с настоящим, потому что философия как занимающаяся истинным имеет дело с тем, что вечно наличествует. Все, что было в прошлом, для нее не потеряно, так как идея оказывается налицо, дух бессмертен, т.е. он не перестал существовать, и не оказывается еще не существующим, но по существу дела существует теперь. Таким образом, уже это означает, что наличествующая настоящая форма духа заключает в себе все прежние ступени”¹³.

Прошлое заметно формирует настоящее посредством передачи и сохранения традиций, обычаев и практики. Поэтому социологи и философы определяют “социальное время как такое, в течение которого традиция обретает преемственность”, когда коллективное воображение подпитывается длительной эпохой формирования коллективной памяти, отчего прошлое выглядит залогом будущего. Среди всех образов, предоставляемых традициями, сохраняются лишь те, которые способны вписаться в практику людей, полноценно живущих настоящим¹⁴.

Новое (настоящее) качественное состояние, отрицая старое, никогда не является абсолютно новым. Оно неизбежно несет в себе многие черты предшествующего состояния, т.е. прежней стадии развития. При переходе от старого качества к новому уничтожается лишь то, что мешает развитию, препятствует ему. Но само возникновение нового не может происходить иначе как на базе прежних структур с их многими характерными свойствами.

Настоящее обусловлено прошлым, или наоборот, прошлое является базой настоящего, основой прогресса. Выражается это в преемственности развития. Некоторые авторы рассматривают данный факт как особенность переходного периода в развитии права. “Важной особенностью переходного типа государства и права является органическое сочетание в их структуре элементов новизны и преемственности, новых признаков государства и права со старыми”¹⁵.

Вопросы соотношения прошлого и настоящего, старого и нового настолько актуальны, что появляются предложения о создании новой науки – ретрологии.

Преемственность обеспечивает непрерывность развития, сохранение явления. Каждый момент истории есть диалектическое единство ставшего и становящегося. И любой разрыв этого единства, с каких бы позиций он ни осуществлялся, означал бы отказ от самой истории. По верному замечанию

З.Н. Багирова, через «преемственность как бы материализуется и постоянно проявляется “связь времен”, уже совершенное и одновременно тенденция новых свершений. Прошлой прорывается в будущее это закон преемственности»¹⁶.

На протяжении всего переходного периода правовая система носит незавершенный характер. В ее нормативном компоненте недостает многих правовых норм, а важные для складывающегося строя общественные отношения продолжают регулироваться прежним правом и старыми правовыми средствами. В течение всего переходного процесса правовая система сохраняет сегменты прежней структурной дифференциации.

Связь прошлого и настоящего (преемственность) сопровождается их борьбой. Г. Еллинек выделил три возможные ситуации взаимодействия старого и нового права. Во-первых, столкновение неправовой силы с бессильным правом, когда в результате государственного переворота победа новой силы придает ей характер правосозидающего фактора. Во-вторых, столкновение новых правовых идей с действующим позитивным правом. Наконец, в-третьих, столкновение двух порядков в одном государстве¹⁷.

Настоящее и будущее. Эти временные параметры так же отчетливо выражены в развитии права. “Говоря о конкретных формах движения права, – пишет А.И. Косарев, – следует прежде всего указать на его способность развиваться ускоренными темпами..., предвосхищать будущее”¹⁸.

Всякая практическая деятельность (индивида, класса, народа) – это целеполагающая “деятельность”. В обществе “ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели”. Целеполагание же всегда связано с предвидением, моделированием предполагаемого результата. Оно выражает фундаментальную закономерность приспособления организма к окружающей среде на основе принципа, опережающего отражения действительности. Опираясь на уже имеющиеся у него знания тех или иных сторон и связей окружающей действительности, человек как бы заглядывает в будущее, идеально предваряет свои практические действия, создает прогнозы, программы, проекты, планы предстоящей деятельности. Короче говоря, цель – это категория, выражающая будущее. В акте целеполагания осуществляется связь оценки наличных условий деятельности и предвосхищение ее результатов. Через целеполагание настоящее как момент деятельности связывается с будущим. Поэтому уже выбор целей и средств их достижения выполняет регулирующую функцию в поведении человека. Этот выбор невозможен без учета реальных условий жизни и деятельности человека.

В соответствии с приведенными общеметодологическими положениями следует признать, что опережающее отражение присуще уже “первичному звену” права – конкретному правоотношению. В нем заключен не только образ определенного поведения в конкретной жизненной ситуации, но и запроектирован его желаемый результат. Следовательно, предвидение присуще праву прежде всего как способу разумной ориентации в окружающей действительности, в основе которой лежит практическая целеполагающая деятельность определенных социальных сил (господствующего класса, всего народа). Рамки этой деятельности, ее глубина и

¹³ Гегель Г.В.Ф. Философия истории. СПб., 1993. С. 125.

¹⁴ См.: Рафаэль. Работа памяти: воссоздание прошлого перед лицом вызова современности // Проблемы теоретической социологии. Вып. 2. СПб., 1996. С. 220.

¹⁵ Марченко М.Н. Указ. соч. С. 230.

¹⁶ Багирова З.Н. Ленин В.И. и диалектическое понимание отрицания. Баку, 1969. С. 204.

¹⁷ См.: Еллинек Г. Борьба старого с новым. М., 1908. С. 205.

¹⁸ Косарев А.И. Развитие права в эксплуатационных формациях // Правоведение. 1977. № 4. С. 89.

значимость для общества определяются социальными условиями, характером господствующих в нем экономических и политических отношений. Правовое регулирование «во всех случаях рассчитывается на регулирование “вперед”, на более или менее длительный отрезок времени»¹⁹.

Связь настоящего и будущего выражается и в стабильности законодательства. Относительная стабильность принимаемых правовых предписаний во времени является важной предпосылкой прогнозирования их воздействия на общественные отношения на определенную историческую перспективу. Стабильное же обеспечение упорядоченности и организованности общественных отношений зависит от способности права “улавливать” новое в общественном развитии, “проникать” в будущее. Эта способность достигается благодаря абстрактно-нормативному характеру права. В отличие от других видов целеполагающей деятельности, «в праве цель приобретает “стандартную” обобщенность в виде мысленного образа поведения, зафиксированного в норме»²⁰. Эта обобщенность есть гносеологический источник предвидения, гносеологическая предпосылка перехода отражательной функции сознания в преобразовательную. Абстрактно-общая форма правовой нормы наилучшим образом приспособлена к “улавливанию” нового, к предвосхищению. Отделившись от своего содержательного “материала”, т.е. от отражаемых ею общественных отношений, норма права получает определенную самостоятельность движения, что позволяет ей улавливать ростки будущего.

Еще более предрасположены к предвосхищению “высшие этажи” структуры права – принципы права. В силу более высокой степени нормативного обобщения они обладают большей “чувствительностью” к новому, “располагают абстрактными формальными характеристиками большей мощности, чем соответствующее им в каждый определенный момент конкретное содержание”²¹.

Эта “незаполненность” формы и есть тот внутренний “двигатель”, с помощью которого формальные характеристики “справедливости”, “гуманизма”, “равенства”, “законности” и других принципов права улавливают для себя новое содержание. Их более высокая подвижность, “эластичность” дает им возможность раньше правовых норм среагировать на назревшие потребности изменяющейся жизни. Высокий уровень абстракции принципов права свою содержательную определенность приобретает в ходе общественного развития. Таким образом, моменты предвидения “запрограммированы” самой нормативной природой права.

Опережающее отражение в праве проявляется не только в плане конкретного механизма нормативного моделирования будущей стереотипной ситуации, но и в более широком аспекте. Речь идет о способности права в целом несколько опережать данный уровень регулируемых им общественных отношений. Такая способность в той или иной мере присуща праву всех исторических типов. Так, рабовладельческое римское право хотя и было законченным правом “простого товарного производства”, тем не менее, в силу тщательного обобщения им существующих в Древнем Риме общественных отношений, прежде всего отношений частной собствен-

ности, “ушло далеко вперед” по сравнению с тогдашними отношениями, “полностью” предвосхитило современную частную собственность”. Как самая совершенная форма права, основывающаяся на частной собственности, оно заключало “в себе и большую часть правовых отношений капиталистического периода”, ввиду чего значительно пережило рабовладельческую эпоху и оказало большое влияние на развитие сначала феодального, а затем и буржуазного права. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что оно было “настолько классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность, что все позднейшие законодательства не могли внести в него никаких существенных улучшений”²². Высокая степень предвосхищения будущего развития товарных отношений римским правом послужила одной из причин его рецепции (особенно институтов гражданского права) многими буржуазными государствами Западной Европы.

Примером опережающего отражения правом общественного бытия в недрах феодального общества может служить австрийское Уложение 1811 г. Составленное на основе буржуазных принципов свободы экономического предпринимательства, оно как бы опережало фактически существовавшие хозяйственные отношения Австрии, в которой в то время капиталистические отношения полностью еще не развились и которая еще должна была “дорасти” до этих принципов²³.

Наиболее отчетливо прогностические программные установки, имеющие перспективный характер и общественное значение, воплощены в Конституции РФ. Она не только обобщает конституционный отечественный опыт истории и закрепляет достигнутый уровень социально-экономического, политического и культурного развития страны, но и отражает динамику общества, целеустремленный характер деятельности государства, всего народа. Творческие потенции Конституции ярко проявляются также в ее программных положениях. Содержащиеся в Конституции программные формулировки имеют важное значение для развития новых тенденций общественно-политической жизни нашей страны, возникновения и развития новых государственно-правовых институтов.

В юридической литературе среди исследователей до настоящего времени нет единства взглядов относительно природы таких положений. Отвергнув попытку охарактеризовать их в качестве юридических норм, одни авторы отождествляют вводные положения и формулировки задач со специализированными программными нормами, с правовыми принципами или “нормативными директивами”, другие наряду с содержащимися в законодательстве общими положениями, имеющими нормативный характер (как, например, предписания-задачи), выделяют также чисто идеологические положения (призывы, обращения, декларации), которые не участвуют в правовом регулировании. По мнению этих авторов, указанные положения относятся к актам морально-политического руководства, которые выражают большую идейную внутреннюю силу демократического общества. Представляется, что правильное решение этого вопроса возможно лишь в том случае, если право не сводить к совокупности норм, а рассматривать его в единстве правосознания, правовых норм и правоотношений.

¹⁹ Алексеев С.С. Право и управление в социалистическом обществе // Сов. гос. и право. 1973. № 6. С. 17.

²⁰ Чефранов В.А. Правовое сознание как разновидность социального отражения. М., 1976. С. 151.

²¹ Титов В.А. Познавательное содержание нравственности и его функциональное значение // В кн.: Социальная сущность и функции нравственности. М., 1982. С. 64.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 412.

²³ См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Пг., 1917. С. 38.

Прошлое, настоящее, будущее. Течение времени неоднородно, его “насыщенность действиями и событиями различна на разных исторических этапах развития общества, жизни человека. Время лежит в основе человеческой деятельности, все подчинено ритму времени. Какие предположения можно сделать по поводу оценок настоящего, прошедшего и будущего, учитывая тот факт, что речь идет о разработке права переходного общества? Исследователи, которые анализировали переходные кризисные периоды в развитии общества, предлагают разные ответы. Одни обращают внимание на особую значимость образа будущего для переживания настоящего. Так, А.А. Давыдов пишет следующее: «Полученные результаты показывают, что социальное время в оценках данных респондентов “течет” от будущего через настоящее к прошлому, т.е. направленность социального времени обратная. Причем доминирующая роль во взаимодействии прошлого, настоящего и будущего принадлежит будущему. Другие исследователи ключевым элементом существования во времени считают “настоящее”, именно на настоящее, а не на будущее ориентирована “временность”, а прошлое и

будущее при таком подходе в значительной степени являются “элементами настоящего”»²⁴.

В правовой сфере определение приоритетов временных координат требует дополнительных исследований. Но уже сейчас можно сказать, что право, будучи продуктом сегодняшнего или даже вчерашнего дня, активно влияет на завтрашнее как буквой, так и духом закона; правовые нормы, так или иначе, организуют будущее. Они могут быть более или менее гибкими, созданы с учетом задач будущего или ориентироваться только на традиции. За тысячелетия своего развития правовая наука доказала, что невозможно адекватно воспринимать нынешнее право, не зная его истории, не понимая, откуда, когда и почему возникли те или иные правовые нормы, традиции, воззрения. Невозможно творить законы без опоры на глубокое знание и понимание как современного права, так и знаний о праве прошлого.

²⁴ Цит. по: *Попова И.М.* Представления о настоящем, прошедшем и будущем как переживания социального времени // Социологические исследования. 1999. № 10. С. 138.